(...доброта, новая красота, возможно, свобода, ясность, возможно?). Образ смерти в поэзии молодой Вала находится рядом с образами солнца, цветов, звезд, но не противопоставлен им. Вала — в традиции Лукреция — относится к смерти как к продолжению жизни. В стихах автора «Далекого сада» смерть дает начало жизни, дает вечное обновление. В одном из первых стихотворений «Грибы» («Sienet») Вала пишет, что «грибы вырастают холодными и толстыми из тел умерших растений и животных»:

〈...〉 puhkeavat sienet 〈...〉
kasvaen kylmiksi ja lihaviksi
kuolleitten kasvien ja eläinten ruumista
[31, s. 25]

В стихотворении «Цветок на лесном пожарище» цветок вырастает на месте сгоревшей души поэта, и жизнь, по мнению Вала, осуществляет свое постоянное обновление: «〈...〉 toteutti elämä alituista uudistumistaan» («Kukka kulossa») [31, s. 43].

Взгляд на смерть как на продолжение жизни, как на обновление, восходит и к традиционным формам средневековой народной культуры. «Такое противопоставление (жизни и смерти.— *Е. С.*) совершенно чуждо образной системе гротеска 〈...〉. Смерть здесь всегда соотнесена с рождением»,— отмечает М. М. Бахтин [38, с. 57—58].

Само отношение к смерти как к продолжению жизни подчеркивает жизнелюбие Вала, ее оптимизм. Тем более парадоксально звучит строка поэтессы: «Me emme tiedä mitään julmempaa kuin elämä 〈...〉» («Kuolema» [31, s. 210]). (Мы не знаем ничего более ужасного, чем жизнь — «Смерть»). В устах Вала, восклицавшей: «Жить, жить, жить! / Жить увлеченно, страстно! («Цветущая земля» — «Kukkiva maa», пер. К. Еголина, [27, с. 23]),— такое признание выглядит по меньшей мере странным. Что же было причиной появления в 1929 г. стихотворения «Смерть»? Тяжелая болезнь Катри Вала? Неудачи в личной жизни? Но в стихотворении стоит местоимение «мы», и под этим «мы» поэтесса, вполне вероятно, подразумевает свое поколение. О его судьбе, о его растоптанных надеждах она писала еще в 1923 г.:

За тех,
кто прошел по жизни,
за тех,
кто, сражаясь, погиб,
за растоптанные надежды,
за безвестных борцов
отомсти!...
Донеси до престола Владыки
проклятья
погибших за правду,
донеси до Него
имена безымянных!
(Пер. И. Киуру [27, с. 63—65])

«Девочка, какое стихотворение ты написала!» — восторгался брат поэтессы [31, с. 514]. В этом стихотворении есть и полемическое отношение к миру, и гражданская позиция, они-то и не позволили поэтессе смириться со злом реальной действительности в последующие годы. О несостоявшемся счастье, о разбитых иллюзиях молодая Вала могла только кричать. Всякая мысль о переделке мира отсутствовала у автора «Далекого сада» и «Синей двери». Эта мысль появилась позже: сначала в статьях 30-х годов, а затем в сборнике «Возвращение».

«Эти пятнадцать лет мы, можно сказать, сидели на штыках,— пишет Вала в 1933 г., в статье «Кантеле или финский нож?» («Kantele vai puukko?»), 〈...〉 воздух, которым мы дышим, безрадостен, в нем мало свободы, живой